
ВЕК ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Л. Е. ГРИНИН

РЕВОЛЮЦИИ В XXI СТОЛЕТИИ И ИХ РОЛЬ В ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И РЕКОНФИГУРАЦИИ МИР-СИСТЕМЫ

В настоящее время Мир-Система и мировой порядок явно находятся в процессе значительных перемен. В этой статье мы анализируем, как революции XXI столетия могут быть связаны с трансформациями Мир-Системы и мирового порядка. При этом мы основываемся на собственной теории периодического подтягивания отстающей политической составляющей Мир-Системы к экономической. Происходящее подтягивание оказывается сложным и турбулентным. Революции при этом являются частью широкого и конфликтного процесса подтягивания политической составляющей Мир-Системы к ее экономической составляющей, вызывающего значительные структурные трансформации в мире. Эти приводящие к сильному напряжению и конфликтам трансформации мы назвали процессом реконфигурации Мир-Системы. Мы полагаем, что этот процесс начался с событий «арабской весны». В настоящий момент процесс дестабилизации, в том числе в связи с событиями на Украине, усиливается. В статье мы анализируем процессы реконфигурации в разных частях Мир-Системы, делая акцент на ситуации в Афразийской макроне зоне нестабильности. В данной работе приведен результат нашего анализа реконфигурации Мир-Системы, рассмотрено, как этот процесс связан с революционным процессом XXI столетия. Мы ожидаем, что в связи с подтягиванием политической составляющей Мир-Системы к ее экономической составляющей (что в общем случае выступает как глубинная причина деформаций в ней) как число революций, так и их роль как средства, усиливающего трансформации в Мир-Системе, значительно не снизится, а вполне вероятно, и возрастет. Мы анализируем будущее революций в соответствии с их типологией, а также в других аспектах: 1) оценки их количества в сравнении с предыдущим периодом; 2) их роли как орудия, определяющего будущий прогресс обществ и Мир-Системы;

3) глубины и силы революций; 4) вероятности революционных волн; 5) возможного изменения форм революционных событий.

Ключевые слова: Мир-Система, мировой порядок, реконфигурация, революционные волны, политический компонент, экономический компонент, деградация, революция.

Предварительные замечания

С 2009 г. мы исследовали процессы изменения Мир-Системы в связи с начавшейся «арабской весной» и пришли к выводу, что в последующие декады международная система начнет трансформироваться быстрее и более значительно. Иными словами, мы входим в период поиска новых структурных и системных изменений в рамках Мир-Системы. Мы также пришли к выводу, что бурные события «арабской весны» можно рассматривать как начало глобальной реконфигурации Мир-Системы, которая в итоге приведет к радикальным переменам в ней. Основная причина этой реконфигурации, как мы покажем ниже, связана с заметным отставанием политической составляющей глобализации от ее экономической составляющей. Однако это будет достаточно долгий и беспокойный период (Grinin, Korotayev 2010: 173; см. также: Гринин 2009; 2012a; 2012б; Grinin 2010; 2016; Grinin, Korotayev 2011; 2012a; 2012б; 2016; Grinin *et al.* 2021). Данная статья предлагает результаты такого анализа вместе с новыми прогнозами, которые проясняют, как эти трансформации будут связаны с революционным процессом в XXI столетии.

В настоящей статье мы развиваем эти идеи, показывая, что среди революционных волн есть такие, которые имеют дополнительные важные мир-системные причины для возникновения. К подобным, по нашему мнению, относятся волна 1848 г. (где экономические изменения, связанные с индустриализацией и развитием капитализма, явно обогнали политические [см.: Зинькина и др. 2017: гл. 11; Grinin 2022a]), волна 1905–1911 гг. в странах полупериферии Азии и Мексики (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020), а также волна «арабской весны» (Гринин 2012a; см. также: Beck 2014; Гринин 2016; Grinin *et al.* 2019; Grinin, Korotayev 2022). При этом мы основываемся на собственной теории периодического подтягивания политической составляющей Мир-Системы, которая отстает от ее экономической составляющей, к последней. Такое подтягивание

осуществляется, но оказывается сложным и турбулентным. Революции в этом случае являются частью широкого и конфликтного процесса подтягивания политического компонента Мир-Системы к ее экономическому компоненту.

Мы анализируем также то, как революционный процесс будущего может быть связан с общими процессами дестабилизации в различных частях Мир-Системы, и, в частности, в афроевразийской зоне нестабильности. Мы исходим из того, что революционный процесс никогда не происходит изолированно. Он всегда является, с одной стороны, частью более широкого турбулентного процесса, иногда занимая в нем центральное, а иногда периферийное место. При этом революционный процесс, особенно революционные волны, обычно требует каких-то серьезных мир-системных импульсов (вроде экономического кризиса, повышения цен на продовольствие и т. п.), которые сами по себе есть часть дестабилизационного процесса. С другой стороны – революционный процесс усиливает мир-системные и региональные процессы дестабилизации.

1. Реконфигурация Мир-Системы и ее проявления

Как мы указывали выше, политические отношения часто не успевают за экономическим ростом. Между тем быстрое экономическое развитие, так или иначе, требует своего рода подтягивания политической системы до соответствующего уровня. В противном случае внутренние противоречия в обществе усиливаются. И чем сильнее они ощущаются, тем больше вероятность возникновения революционных кризисов. Однако изменению политических и социальных институтов во многих обществах препятствуют их жесткость, а также интересы элиты. Такую ситуацию ощутимого разрыва между уровнем технологического и экономического развития, с одной стороны, и отсталостью политической системы – с другой, можно обнаружить во многих обществах в период нарастания революционного кризиса. Такое отставание одного вектора от другого ведет к появлению разного рода диспропорций, которые оппозиция называет «недостатками режима», способствующих укреплению оппозиции, росту протестов и революционных идеологий. По мере исторического развития такой разрыв стал обозначаться и на уровне определенных регионов, что могло приводить к волнам революций, как это было, например, в Западной Европе в 1848 г.

(Grinin 2022a), в России и Азии в 1905–1911 гг. (Grinin L., Grinin A. 2022b). По мере развития процессов глобализации такой разрыв между экономическим развитием (глобализацией) и институциональными изменениями на уровне международных отношений и мирового порядка (политической глобализацией) становится заметным в целом в рамках Мир-Системы. И это, по нашему мнению, становится источником внутреннего кризиса в Мир-Системе и значительных изменений в ней.

К 2010-м гг. экономическая и финансовая глобализация сильно продвинулась в своем развитии по сравнению с международным правом и политической глобализацией. Иными словами, в рамках глобализации политический процесс заметно отставал от экономического. Мог ли политический компонент глобализации Мир-Системы продолжать отставать от экономического еще в течение десятилетий? Логика здесь совершенно очевидна: внутри социальной системы (как, впрочем, и любой другой) отставание в развитии одного компонента от другого не может быть бесконечным. Следовательно, когда разрыв становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. В этой ситуации развитие экономики должно было замедлиться, что и случилось в результате кризиса 2008 г. Важно понимать, что отставание социального и политического компонентов от экономического было одной из главных причин этого (как и последующего) кризиса (Гринин и др. 2011). Это стало ясно не сразу, однако в связи с другими причинами (в частности, с динамикой длинных кондратьевских циклов [см., например: Grinin L., Grinin A. 2014; Grinin L., Grinin A., Korotayev A. V. 2017b]) дало нам основу для прогноза о том, что в следующие 15–20 лет мировая экономика будет развиваться медленнее, чем в предшествующие годы (Grinin, Korotayev 2010: 172–174; см. также: Гринин 2009; 2012б; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2012b; 2015a; Grinin, Korotayev, Tausch 2016). В то время как экономическое развитие и глобализация будут замедляться, политическая трансформация Мир-Системы усилится.

Таким образом, мы полагаем, что в следующие 15–20 лет политическая составляющая глобализации так или иначе подтянется к ее экономической составляющей. Мы назвали этот процесс **реконфигурацией Мир-Системы**. Такая реконфигурация происходит в разных формах (см. ниже), в том числе в виде различных про-

тестных и революционных акций (Гринин 2009; 2012a; Grinin 2009; 2010, 2022; Grinin, Korotayev 2010; 2012b; 2015b; Goldstone *et al.* 2022b). Один из примеров этого – своего рода волна революционных движений, прошедшая по миру в 2018–2022 гг. и все еще продолжающаяся (Goldstone *et al.* 2022a). Изменения, которые быстро охватывают целые группы государств, также остаются возможными.

Но каким же образом это подтягивание происходит? Естественно, что способы его очень важны. Подтягивание предполагает довольно быстрые изменения, сопровождаемые напряжением, резкими поворотами и даже катаклизмами. Оно может вовлекать в турбулентные события большие группы стран. Вот почему мы полагаем, что указанное подтягивание политической составляющей должно быть в целом весьма турбулентной эпохой. Оно редко протекает мягко, и чаще всего рывками. Такое подтягивание может происходить как за счет развития политического аспекта глобализации – в этом случае общий процесс глобализации движется вперед, – так и за счет деградации экономической составляющей глобализации, возврата к протекционизму, потери значения международных организаций, соглашений и прочего, то есть редукции экономической составляющей глобализации к политической. В таком случае общий процесс глобализации будет откатываться назад. Это означает разрушение старого мирового порядка для подготовки к формированию нового. Мы полагаем, что подтягивание будет идти обоими путями, но неравномерно. Это одно из объяснений, почему в настоящее время Мир-Система и мировой порядок явно переживают значительные перемены. Сегодня мы фактически на полях сражений Украины наблюдаем борьбу России и коллективного Запада, которая неизбежно и существенно изменит как расклад сил, так и движение к новому мировому порядку.

Как уже сказано, мы предположили, что события Арабской весны с конца 2010 г. начали процесс реконфигурации Мир-Системы¹. Случившееся в последующем на Ближнем и Среднем Во-

¹ Почему этот процесс начался именно в арабских странах? С точки зрения процесса глобализации сложно игнорировать тот факт, что разрыв между уровнем экономического, технологического и культурного развития с одной стороны и ментальности, влияния религии на жизнь, законодательство, семейные отношения и пр. с другой среди других цивилизаций и культурных зон был наибольшим. Именно здесь женщины имеют наименьшие права по сравнению с мужчинами,

стоке, на Украине, а также на Дальнем Востоке (Гринин 2014; Shevsky 2022; Grinin, Korotayev 2022) все более подтверждало, что реконфигурация Мир-Системы началась и идет довольно активно. Мы рассматриваем эти потрясения именно как такие «реконфигуративные» кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. При этом становится все более вероятным возникновение мощных и, возможно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконфигурационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и лежащих на стыках геополитических «плит»².

Таким образом, многое свидетельствует о начале глобальной реконфигурации. Такие изменения могут происходить в различных и неожиданных формах, а также в неожиданных местах³. Особенно важно, что весьма глубокий кризис имеет место в центре Мир-Системы (в США и Западной Европе). Таким образом, социально-политическая карта возможных «тектонических» изменений сегодня требует глубокого переосмысления. Мы видели неожиданные

но в то же время уровень образования, культуры и восприятия мира среди женщин явно превосходит уровень их прав. Влияние религии на все аспекты жизни, включая законы и финансы, много выше, чем в других регионах, в то время как религиозной терпимости нет во многих арабских странах. Последние не могут бесконечно игнорировать эти проблемы, тем более в связи с высоким уровнем миграции в европейские страны вместе с усилением открытости для медиа, которые влияют на ранее идеологически закрытые общества (подробнее см.: Гринин и др. 2016).

² На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Сяньцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что они обязательно будут).

³ В частности, на Ближнем Востоке неожиданные резкие изменения начались даже в странах Персидского залива, казавшихся очень устойчивыми. Так, началось противостояние с Катаром других государств Залива, а в Саудовской Аравии в результате смерти короля к власти пришел амбициозный и резкий в поступках молодой наследник – принц Мухаммед ибн Салман. Кризис, а затем резкий подъем нефтяных цен также сильно изменил ландшафт.

повороты в Великобритании, которая выходит из Европейского союза, в Испании, например, в связи с событиями в Каталонии, во Франции, которую сотрясали протесты «желтых жилетов», в США, начиная с прихода к власти Д. Трампа и до непрекращающихся волнений чернокожего населения и сочувствующих им белых. Все это и другое – элементы указанной реконфигурации. Наконец, коронавирусная пандемия 2020 г. стала глобальным событием, которое внесло очень серьезный вклад в разрушение старого мирового порядка. И временный отказ от базовых прав граждан, закрытие границ, бесконтрольное использование искусственного интеллекта и т. п. вкпе с рецессией стали толчком для существенных изменений в дальнейшем.

2. Причины и механизмы реконфигурации. Проявления реконфигурационных напряжений и кризисов

Экономические аспекты. Процесс реконфигурации Мир-Системы очень сложен, соответственно, и причины его разнообразны. Указанные диспропорции между уровнем экономического развития и уровнем развития политических институтов проявляются как на уровне отдельного общества, так и в региональном и мир-системном масштабах. При этом глобальные и локальные причины и особенности создают в каждом случае неповторимый вариант противоречий и проблем. В этой статье мы скажем только о наиболее важных с нашей точки зрения причинах и механизмах указанного процесса реконфигурации.

Начнем с того, что наблюдается ослабление экономической роли США как мир-системного гегемона. Это процесс, который идет уже достаточно долго (см., например: Kissinger 2001; 2014; Buchanan 2002; Kupchan 2002; Todd 2003; Wallerstein 2003; Mandelbaum 2005; Kennedy 2008; Zakaria 2008; NIC 2008; 2012; Lachmann 1997; Chase-Dunn *et al.* 2011; Grinin 2010; Гринин, Коротаев 2010; Grinin, Korotayev 2010; 2011; 2014a; 2014b; 2015b; 2016; 2022; Grinin, Ilyin, Andreev 2016; Grinin *et al.* 2017; 2015)⁴. «Сделать Америку снова великой» – этот лозунг Дональда Трампа откровенно говорит об утрате прежнего уровня лидерства и о том, что ситуация в мире

⁴ Разговоры о неизбежном упадке США начались еще в 1970-е гг., продолжались в 1980 и 1990-е гг. (см., например: Vogel 1979; Kennedy 1987; Thompson 1988; Attali 1991; Colson, Eckerd 1991; Arrighi 1994; Frank 1998).

будет обостряться. Однако потеря США лидерской роли будет означать глубокие, по сути, коренные трансформации самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которых неясны. Вне всякого сомнения, судьба мира во многом зависит от того, как будут развиваться США, какую политику они выберут, какие повороты произойдут на этом пути. В свое время мы писали, что борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия (Гринин 2005: 17; 2015: 13; 2018б: 509; Grinin *et al.* 2017; Grinin, Korotayev 2020). После прихода к власти Трампа это стало особенно очевидным, так как фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов своих союзников. Мы также отмечали, что в результате этого ослабления в последние годы усиливается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия самих США (Гринин 2015: 14; 2018б: 509–510). С приходом Д. Трампа к власти и из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения «беспорядок» еще более усилился. Ведь политика Трампа резко усугубила противоречия между США и множеством стран, включая их ведущих торгово-экономических партнеров, не говоря уже об экономической войне с Китаем и полномасштабной холодной войне с Россией. Политика Дж. Байдена хотя и временно сплотила Запад, но на свой лад стала разрушать американскую гегемонию, пожалуй, даже намного быстрее, чем было при Трампе⁵.

Исходя из сказанного, можно выделить две взаимосвязанные системы глобальных векторов развития. **Первая.** Главный вектор этой реконфигурации – ослабление центра Мир-Системы, то есть США и Запада, и одновременное усиление позиций целого ряда развивающихся стран в мировой экономике и политике. Эти два противоположных вектора, тем не менее, вместе составляют единый процесс, названный нами Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2014b; 2015a; Grinin 2021). В результате процесс реконфигурации Мир-Системы усиливается.

⁵ В современных Соединенных Штатах налицо постоянное «перетягивание каната» между американистами и глобалистами, о котором мы писали на страницах журнала «История и современность» (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021). При этом оба лагеря, каждый на свой лад, разрушают величие США.

Вторая. Радикальные изменения в балансе экономических сил в мире создают объективные условия для изменения мирового порядка. Однако это не ведет к автоматическому изменению военно-политического баланса сил. Тем не менее происходит постепенное ослабление старого порядка, основанного на гегемонии США, и возникновение условий для создания нового мирового порядка (Grinin *et al.* 2016; Grinin 2022a; Grinin, Korotayev 2020; Grinin *et al.* 2021). К сожалению, процесс этот идет «естественным», то есть стихийным и разрушительным образом.

Политические аспекты. Как уже сказано, подтягивание политической составляющей – болезненный, турбулентный, конфликтный и – что особенно важно для нас – местами революционный процесс. При этом кризисы и революционные движения могут возникать как в ослабляющемся центре Мир-Системы, так и на усиливающейся ее периферии. В случае центра причинами выступают противоречия между прежними амбициями (потребностями) и сокращающимися возможностями, в случае периферии это усиливающиеся диспропорции между быстрорастущими экономикой и технологией, с одной стороны, и архаичными элементами политической и социальной системы – с другой.

Отметим, что указанные проблемы так или иначе влияют на международные отношения, на изменение мирового порядка. Особенно важно и заметно это в отношении США, где внутренняя межпартийная политическая борьба начинает приобретать характер гибридной гражданской войны (подробнее см.: Гринин 2020а). Это не только ослабляет страну, но делает ее внешней политикой абсолютной заложницей внутривнутриполитической борьбы. Одновременно попытки США с помощью различных мер (также принимающих в комплексе характер гибридной войны) сокрушить своих конкурентов и оппонентов в мире влияют на разрушение мирового порядка. В связи с отказом США исполнять подписанные и давно имплементированные международные договоренности зафиксировала глобализация в ее старом издании. В результате экономическая глобализация откатывается назад (взять хотя бы введение тарифов на импорт и развал ВТО), а политическая постепенно расчищает себе пространство.

Итак, подтягивание политической составляющей к экономической в принципе означает переход к новому мировому порядку.

Но такой переход будет идти в несколько этапов в течение довольно длительного времени. И важно понимать, что его начальной фазой является ослабление, расшатывание и/или разрушение старого порядка (а формирование нового порядка – это следующая фаза). Следовательно, в отношении ближайшего будущего речь идет о весьма конфликтном, нестабильном и турбулентном периоде, осложненном, как уже сказано, депрессивным экономическим развитием. Любое политическое изменение, которое происходит в национальном или региональном масштабе, даже любое заметное социально-политическое действие, которое ведет к дестабилизации или ее угрозе, а тем более революция, в принципе служит усилению кризисных явлений в мире. Как показывают исследования, возможность революций и их победы во многом зависит от того, насколько благоприятен для них международный контекст (см., например: Goldfrank 1979; Goodwin, Skocpol 1989; Wickham-Crowley 1992⁶). Мы полагаем, что в целом процесс реконфигурации Мир-Системы для будущих революций скорее будет благоприятным, чем негативным.

Технологические аспекты. Есть и еще одна фундаментальная причина, которая определяет турбулентность будущего периода. Она связана с необходимыми условиями для будущих технологических трансформаций. Мы исходим здесь из своей теории принципов производства и производственных/технологических революций (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin 2006; 2007a; 2007b; 2012; Grinin L., Grinin A. 2013; 2014; 2015a; 2015b; 2016; 2020; Grinin L., Grinin A., Korotayev 2017a; 2017b; 2020). В настоящее время идет технологическая революция, которую мы назвали кибернетической (см.: Там же). Мы выделяем в ней три главные фазы, причем завершающаяся фаза должна, по нашим расчетам, начаться в 2030/2040-е гг. и окончиться в 2070-е. Она будет связана с новой мощной волной технологических инноваций⁷. Начальная фаза кибернетической революции происходила в период 1950–

⁶ О связи между мировым порядком и революциями/контрреволюциями см.: (Armstrong 1993; Bisley 2004). О системной роли международного фактора для революционного процесса и революционных волн, включая «арабскую весну», см.: Lawson 2015.

⁷ Это также будет означать формирование шестого технологического уклада (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin L., Grinin A. 2014; 2016).

1990-х гг. В настоящее время мы переживаем ее вторую, модернизационную фазу, в процессе которой инновации распространяются в Мир-Системе очень широко, модельный ряд новых вещей невероятно расширяется. В то же время глубина инноваций меньше, чем в предшествующий период. Однако для такого широкого распространения инноваций и вовлечения новых регионов в кибернетическую революцию слишком большое различие в уровнях развития стран первого и третьего мира, имевшее место к 1990-м гг., было препятствием. Вот почему на этой фазе происходит некоторое выравнивание уровней развития прежде значительно различавшихся по экономическим показателям регионов. Широта распространения инноваций объясняет более высокие темпы роста периферии в 1990–2000-х гг., равно как и перетекание туда производств, характерных для предшествующих технологических укладов. Этот процесс, повторим, мы назвали Великой конвергенцией (см.: Grinin, Korotayev 2014a; 2014b; 2015a). Выравнивание уровней будет активно продолжаться и далее, захватывая новые сферы, однако оно уже начинает тормозиться. Почему? Во-первых, это связано с тем, что широкое распространение инноваций, рост образования и культуры уже привели к возникновению противоречия между быстро изменившимися технологиями и уровнем производства, с одной стороны, и во многом еще оставшимися неизменными политическими и социальными отношениями – с другой (далее этот процесс будет только усугубляться). Данное противоречие будет наблюдаться на двух уровнях: страновом (особенно в третьем мире) и глобальном, где требуются новые инструменты совместных решений. Во-вторых, для того чтобы началась мощная новая волна технологических инноваций (связанная, в частности, с распространением самоуправляемых систем и искусственного интеллекта), необходимы, по нашему мнению, серьезные политические изменения как в Мир-Системе в целом, так и во многих обществах. Иными словами, необходимо то самое подтягивание политической составляющей к экономической, о котором мы говорили выше. Отсюда можно предполагать, что в течение ближайшего десятилетия темпы роста некоторых государств, таких как Китай, в меньшей степени Индия, страны АСЕАН и др., замедлятся, а внутренние

проблемы усугубятся⁸. В экономике Китая уже наблюдается замедление, еще более существенный спад мы видим в экономике ЮАР, Бразилии, Турции, Мексики и др.; можно также отметить падение ВВП в России.

Соответственно, можно ожидать и значимого числа революций как части процесса подтягивания политической составляющей и изменения мирового порядка. Отсюда следует, что политические и социальные проблемы в этот период могут быть более острыми, причем вполне вероятно, в рамках более широких, чем границы одной страны (как это проявилось в событиях «арабской весны»). То есть могут начинаться волны революций. Таким образом, задержку перехода к новому мощному инновационному рывку обусловливает сложность изменения политических и социальных институтов в региональном и даже глобальном масштабе, включая общемировые институты. Однако слом таких институтов, как ВТО, ВОЗ, Международный уголовный суд, ООН, уже начался по инициативе США.

3. Революции в будущем

Вопрос, какое будущее ожидает революции в XXI столетии, стал активно дискутироваться в конце прошлого века. Он по-прежнему остается актуальным. Однако в качестве отправной точки для нашего анализа полезно будет упомянуть о дискуссии между Джеффом Гудвином и Эриком Селбином. Дж. Гудвин (Goodwin 2001) полагал, что поскольку демократия не благоприятствует революциям, в ближайшие десятилетия вряд ли случится такой же размах революций, какой наблюдался в период холодной войны. То есть широкие политические изменения, связанные с распространением демократии в 1990-е гг. (это так называемая третья волна демократизации, по С. Хантингтону [Huntington 1991]), ведут к ситуации, когда революции теряют свою популярность и влияние. Соответственно, в будущем их вероятность уменьшается. Э. Селбин (Selbin 2001) был не согласен с Гудвином и теми (Snyder 1999; Colburn 1994), кто утверждал, что распространение демократии сделает возникновение революций в будущем менее вероятным. Селбин исходил из того, что во многих странах демократические отноше-

⁸ В то же время можно ждать ускорения развития многих африканских государств и, возможно, некоторых стран АТР.

ния слабые, а несправедливость и неравенство остаются сильными. И в конце концов люди, сталкиваясь с острыми социальными проблемами при отсутствии возможности бороться с несправедливостью законным и удовлетворительным для них путем, не станут бесконечно это терпеть. А значит, революции в будущем неизбежны (Selbin 2001: 285–286). Он сделал вывод, что в будущем революции станут даже более вероятными, чем в предшествующие эпохи. Таким образом, именно Э. Селбин, хотя он несколько романтизирует революции, был намного более прав, чем Дж. Гудвин и другие, которые думали, что «мода» на революции прошла (см. также: Selbin 2019). Мы видели очень много революций в предшествующие два десятилетия (которые на момент дискуссии еще не состоялись)⁹. Это показывает, что, несмотря на снижение роли революций в качестве прогрессивного орудия перестройки политической системы общества, многие причины, их порождающие, еще будут давать о себе знать длительное время. При этом «бенефициарами» могут стать противоположные силы, что местами придает революциям новые импульсы. Так, мы показывали (Гринин и др. 2010; 2016: 4–23; Grinin 2022a), что СССР и социалистические страны длительное время инициировали революции в разных уголках мира. Но в конце 1980-х – начале 1990-х гг. они сами стали жертвами революций. США, которые особенно не приветствовали революции в течение десятилетий, в XXI в. начали активно продвигать цветные революции в разных странах. Правые силы, которые опасались левых выступлений, в ряде случаев, в частности в Латинской Америке, стали устраивать правые революции против находящихся у власти левых режимов.

Таким образом, в связи с вышеописанным процессом подтягивания политической составляющей глобализации к ее экономической составляющей мы ожидаем, что число революций, а также их роль в трансформации Мир-Системы не только не снизится значительно, но в некоторых отношениях, скорее всего, даже возрастет. Все революции в этом плане, как уже сказано, составят общий поток трансформации и реконфигурации Мир-Системы и мирового порядка.

⁹ Их число было столь значительным также и потому, что в совершении революций в странах, пограничных с Россией, а также в тех государствах, где режимы не нравились США и европейским странам, последние активно инспирировали их.

Разумеется, определить вклад того или иного события в глобальную трансформацию весьма сложно, но в целом, даже если происходят перевороты или революции, которые, казалось бы, усиливают позиции США в краткосрочной перспективе (в той же Латинской Америке), в среднесрочной и долгосрочной могут оказать на их позиции негативное влияние с учетом того, что поддерживать старый порядок США становится все сложнее. Соответственно, любые активные протестные действия, революции могут рассматриваться с этой точки зрения.

Но естественно, что особое значение могут иметь революции в крупных странах авторитарного типа, таких как Китай и Россия (и они не исключены), или революционные движения в рамках стран с устойчивой демократией, а также волны революций.

3.1. Некоторые типы революций в будущем

Имеет смысл сначала рассмотреть роль революций в будущем с учетом тех распространенных типов революций, которые имели место в предшествующие периоды.

1. Революции как средство для облегчения модернизации все еще будут играть свою роль в недостаточно развитых странах, поскольку уровень экономического развития в них опережает уровень политической системы, а также создает высокий уровень неравенства в обществе (Grinin 2022b). Такие революции обычно бывают социальными (социально-политическими, демократический компонент в них также присутствует). В настоящий момент еще много обществ находится в периоде, который можно определить как модернизацию. Особенно много их в Африке южнее Сахары. В этом регионе, по сравнению с другими, было в целом не так уж много революций, и социальных из них – совсем мало. В XXI в. тенденция к росту социальных протестов усилилась (см.: Sadovskaya *et al.* 2019), в частности, революции и революционные события в Кот-д'Ивуаре (2002–2005), Чаде (2005–2008), на Мадагаскаре (2009), в Мавритании (2011–2014), Зимбабве (2016–2017), Судане в 2018–2019 г., Сомали (2020–21) и ряд других подтверждают это. Потому при дальнейшем развитии африканских стран можно ожидать определенного числа социально-политических революций в будущем. Надо также иметь в виду, что Африка будет наиболее быстро демографически (и экономически) растущим континентом с боль-

шим количеством молодежи, что неизбежно повлечет за собой возникновение или усиление диспропорций, конфронтаций, острых проблем и расслоения. А с учетом столь же быстро идущего процесса образования все это создаст достаточно материала для революций. Но в целом мы не ожидаем роста числа таких революций по сравнению с последней третью XX в., вполне вероятно даже, что оно уменьшится.

2. Революции как средство демократизации авторитарных обществ будут продолжаться, но часто будут вести к неконсолидированной демократии. Можно ожидать значимого количества антидиктаторских (демократических) революций, поскольку авторитарных или полуавторитарных режимов еще немало¹⁰. Эрик Селбин даже говорит в отношении последнего времени об авторитарном реваншизме (см.: Selbin 2019; 2022). Кроме того, в странах со слабой демократией возможны революции, которые стоило бы назвать олигархическими, когда борьба за власть тех или иных основных олигархических групп ведется в том числе и с помощью революционных действий (под демократическими, социальными или националистическими лозунгами). Украина может быть хорошим примером того, как это происходит (Shevsky 2022). Число антидиктаторских (демократических) революций (в том числе цветных) было весьма велико в предшествующие десятилетия (о цветных революциях см.: Aslund, McFaul 2006; Nepstad 2011; Bunce, Wolchik 2011; Goldstone 2014; Mitchell 2012; Beck 2014; Lawson 2015; Гринин и др. 2010; 2016; 2019; Goldstone *et al.* 2022), но, возможно, оно не сократится (или сократится не так существенно) и в дальнейшем. Тем более что роль революций как геополитического оружия может периодами возрастать. Соответственно, можно ждать какого-то количества цветных революций или их новой разновидности. Латинская Америка, видимо, по-прежнему будет регионом со значимым числом таких эпизодов. В частности, влияние США на расклад политических сил в Латинской Америке время от времени вызывает в тех или иных странах удачные или неудачные попытки революций (последние примеры – Боливия и Венесуэла, массовые

¹⁰ Некоторые исследователи идентифицируют особого рода нестабильность в промежуточных режимах между консолидированной демократией и твердым авторитаризмом (см.: Esty *et al.* 1999; Goldstone *et al.* 2003; 2010).

протесты в Эквадоре). При этом появились и новые формы аналогов революции – конституционные революции, связанные, в частности, с отстранением президентов от власти (Аргентина, Бразилия)¹¹.

3. Национальные революции, направленные на отделение, вполне возможны. В статье (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020) мы проводили сравнение между национальными и национально-освободительными революциями¹². В настоящее время меньше шансов на начало национально-освободительных революций (колоний не осталось, во многих случаях нетитульные нации имеют какие-то формы представительства), но в рамках полиэтничных наций борьба за расширение автономии или отделение вполне вероятны. И здесь также Африка может стать континентом, в котором это будет происходить более интенсивно. Возможно, на смену межэтническим войнам и геноциду придут национальные революции.

4. К сожалению, вероятны нередкие религиозные революции, в том числе не исключены и революционные протесты исламского меньшинства в европейских странах. Не исключены революционные подъемы и в многоконфессиональных странах, особенно большое влияние могут иметь такие события в Индии, националистические власти которой в последнее время стали откровенно притеснять другие конфессии (в частности, ислам). Но особенно распространились революции радикального ислама, когда радикальные исламисты активно вовлекают население (особенно молодежь) и используют террор и партизанскую тактику для захвата власти в стране или в отдельных районах. Афганистан здесь наиболее из-

¹¹ Возможно, как особый случай такого рода аналогов революций можно рассматривать движение за импичмент президента Южной Кореи Пак Кын Хе, которая была впоследствии осуждена. Стоит указать на новый тип «электоральных» революций, которые случаются без предшествующих протестов и революционных акций (например, в Тунисе или на Украине в 2019 г.).

¹² В целом, конечно, разделение их не всегда является легким. Национально-освободительные революции связаны с борьбой за независимость территорий или колоний, которые имели слабую автономию и возможности для самовыражения, а также часто были географически отделены от главной территории (метрополии). Национальные чаще связаны с борьбой за более широкие права или независимость, в основном в территориально единых государствах, при этом уже имеющих какую-то автономию и представительство. События 2019 г. в Гонконге, возможно, следует характеризовать как национальное движение или даже национальную революцию.

вестный пример (если не считать Исламское государство – ИГИЛ¹³). Но талибы в Афганистане по сравнению с ИГИЛ, конечно, выглядят умеренно. Однако наибольшее число таких радикальных исламистских революционных движений наблюдается в Африке в связи с низким уровнем образования, культуры, уровня жизни и избыточным числом молодежи, часть которой предпочитает служить у радикалов, а не работать в поле¹⁴.

5. Следует ожидать некоторого количества революционных движений (возможно, без революций¹⁵) в странах мир-системного ядра (см. ниже).

Таким образом, исходя из указанных типов революций, можно сказать, что революционный процесс в дальнейшем будет иметь несколько достаточно тесно связанных между собой составляющих. Это: 1) продолжение давно идущего процесса, в результате которого революции смещаются все дальше от центра Мир-Системы, затрагивая страны, которые «дозревают» до революций или определенного их типа (в будущем это прежде всего Африка); 2) развитие процессов демократизации и становления национальных государств, которые идут с XIX в., в современных условиях. Это антидиктаторские и национальные революции в разных странах, происходящие по разным причинам. Их нередко можно рассматривать как постмодернизационные революции, поскольку происходят они в обществах, достигших достаточно высокого уровня, но имеющих серьезные внутренние диспропорции либо пошедших неверным курсом во внутренней политике; 3) революции, используемые в качестве геополитического оружия. Их роль, не исключено, может возрасти в отдельные периоды, поскольку,

¹³ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁴ Здесь можно упомянуть такие движения в Сомали (2006–2019), Нигерии (запрещенная в России «Боко Харам»), Камеруне, Кении, Мозамбике и других странах (особенно в зоне Сахеля), где радикалы буквально терроризируют население.

¹⁵ То есть когда у движения нет четких требований и/или эти требования имеют ограниченный характер и не затрагивают основ политического режима. Однако протест может быть активным и длительным. Примером является движение «желтых жилетов». Однако такие движения, особенно в странах с авторитарным уклоном, часто перерастают в революции. *Black Lives Matter* («Жизни темнокожих имеют значение») в США в 2020 г. – еще один хороший пример.

как уже сказано, идет изменение баланса сил в мире, что вызывает обострение борьбы между крупными державами, ведущими гибридные войны друг с другом. Революции в странах, находящихся в сфере влияния соперника, инициированные с целью оторвать их от него, являются весьма мощным геополитическим оружием; 4) революционные движения в странах, близких к ядру Мир-Системы, что связано с реконfigurацией последней, трансформацией мирового порядка, ослаблением экономики развитых стран, их политических систем и способности выдвигать сильных лидеров.

3.2. Будущие революции в других аспектах анализа

Попробуем в отношении будущего революций рассмотреть несколько аспектов: 1) оценка их количества в сравнении с предыдущим периодом (в том числе с XX в.); 2) их роль как орудия, определяющего будущий прогресс обществ и Мир-Системы; 3) глубина и сила революций; 4) вероятность революционных волн; 5) возможное изменение форм революционных событий.

1. Количество революций. Мы полагаем, что в будущем (по крайней мере, в ближайшие два десятилетия) число революций существенно не уменьшится по сравнению с их количеством в предшествующие два десятилетия, и даже, не исключено, увеличится. Это связано с тем, что их роль в реконfigurации Мир-Системы будет значимой, а сама реконfigurация ускорится.

2. Вопрос о роли революций как орудий прогресса мы уже неоднократно затрагивали. Но это сложная проблема, в которой можно выделить три измерения. Первое – роль революций как двигателя прогресса в отдельных обществах, переживающих революцию. Мы отмечали (Гринин 2017а; 2017б; Grinin 2022), что такая роль с течением исторического прогресса снижается, а риск попадания революционных обществ в порочный круг бесконечных переворотов возрастает. Поэтому в будущем, как и раньше, в некоторых странах может наблюдаться довольно длительный период революционных эпох. Это означает, что государства, пережившие революции, политическая система которых никак не установится (например, Грузия или Украина), могут пережить их вновь. Они будут попадать в своего рода революционную ловушку. По-прежнему продолжается революционная эпоха в обществах Ближнего Востока, переживших революцию: это Египет, Сирия, Йемен, Ли-

вия. Притом в трех последних следует говорить о еще более тяжелом периоде – своего рода смутной эпохе¹⁶. Что касается новых путей развития отдельных обществ, то революции могут создать новые альтернативы развития внутри отдельных обществ. Однако шансы, что такие альтернативы будут лучше, чем развитие в рамках авторитарного общества, в современную эпоху не слишком велики¹⁷.

Второе измерение – роль революций как способа формирования передовых моделей развития, которые становятся образцом для подражания в других странах (как это было в XVII–XVIII вв.). С другой стороны, можно утверждать, что роль революций в историческом процессе как событий, которые прокладывают пути на новые уровни, модели и траектории развития, постепенно уменьшается. Имел место длительный период с XVI по XIX в., когда некоторые революции создавали такие политические режимы, которые становились моделью для многих стран и в результате давали простор для развития как отдельных государств, так и Мир-Системы в целом. Речь идет о возникающих в результате революции и после революционных преобразований системе выборов, конституционной демократии, партийной демократии, республиканских режимах, равных правах и т. п. Социальные революции начала XX в., притом что они не позволили построить общества с более высокой производительностью и уровнем жизни, все же предоставляли важные модели социальных изменений, многие из которых потом так или иначе были внедрены во всем мире. В настоящий момент трудно ожидать, что какие-либо революции явят к жизни формы политического или социального режима, которые стали бы объектом для подражания в других обществах¹⁸.

¹⁶ Это период, когда значимость центральной власти уменьшается или вовсе исчезает, так что страна фактически распадается на несколько конфликтующих территорий, ни одна из которых не способна объединить их. Ситуация в Ливии является классическим примером такой смутной эпохи.

¹⁷ Кроме того, есть небезосновательная точка зрения, что революции скорее препятствуют развитию демократии и экономическому росту, чем способствуют ему (Eckstein 1982; 1986; Gurr 1988; Zimmermann 1990; Chirot 1991; Haggard, Kaufman 1995; Weede, Muller 1997; Goldstone 2001; Kurzman 2008).

¹⁸ Последний такой недавний пример – это Исламское государство, которое широко распространило свои ячейки во многих странах, в том числе африканских,

Третье направление – мир-системная роль революций, в том числе как результирующая изменения Мир-Системы в целом, перевод ее в новое состояние (об аналоге глобалистской революции мы писали в: [Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021]). Есть и идеи о левой революции в мире как новой волне социальных революций (см.: Chase-Dunn, Nagy 2022; Chase-Dunn *et al.* 2022) При этом, как сказано выше, революции будут частью цепи других сложных, конфликтных и разрушительных событий разной природы, ведущих Мир-Систему к новому качеству. В любом случае роль революций будет оставаться значительной; она, по крайней мере, не уменьшится, а в чем-то, может быть, даже увеличится. Революции станут своего рода тараном, разрушающим старый мировой порядок и готовящим условия для возникновения нового. Таким образом, если они не будут эффективным средством для продвижения вперед в рамках отдельных обществ, то станут играть важную роль в трансформации Мир-Системы в целом¹⁹. В рамках общей трансформации Мир-Системы и под влиянием общего мир-системного кризиса революционные события могут случиться в разных обществах, в том числе и в странах с устойчивой демократической системой, включая США. В таком случае их роль как средства прогресса может быть значительной. При этом чем слабее будет роль революционного процесса как условия для перехода к новым моделям и уровням развития при сохранении или увеличении его роли в реконфигурации Мир-Системы, тем заметнее могут быть в революционном процессе революционные движения без революций. Последние также будут влиять на расшатывание порядка – как в отдельных странах, так и в Мир-Системе.

и модель устройства общества которого радикалы пытаются распространить среди бедного и малограмотного населения. Но это явно не путь прогресса.

¹⁹ Такую роль играли волны революций и в предшествующие эпохи, в частности после Первой и Второй мировых войн, а также в конце XX в., когда с их помощью был разрушен лагерь социализма и исчез биполярный мировой порядок. Не менее важно, что исторические аналогии подтверждают: революционные волны могут не только знаменовать крупномасштабные изменения в Мир-Системе, но и давать стимулы для них. Например, после волны революций 1848–1849 гг. наблюдались значительное развитие капитализма и формирование современной политической системы в Европе, которая значительно повлияла и на мир-системную периферию.

Добавим еще одну важную мысль. В известной мере роль революций на уровне отдельного общества и на уровне Мир-Системы может выглядеть оппозиционной. Имеется в виду, что значение революции как орудия движения к новому уровню развития в индивидуальном обществе может быть незначительным или даже негативным, но оно позитивно, если рассматривать каждую революцию как часть общемирового процесса реконфигурации Мир-Системы и движения к новому мировому порядку. Иными словами, каждое конкретное общество может быть принесено в жертву общемировому процессу и прогрессу Мир-Системы. Однако судьба стран во многом зависит от исторической удачи. В масштабах же глобального мира цена изменений для отдельной страны фактически не так важна. Естественно-историческое развитие в рамках глобализации будет развиваться согласно принципу «нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца». Соответственно, некоторые страны окажутся в положении этих «разбитых яиц». Потому тем, кто мечтает о революциях в своих странах, надо задуматься, хотят ли они, чтобы судьба их страны стала разменной монетой на пути к мировым изменениям.

В целом можно констатировать, что повышение уровня диспропорции между экономическим и социально-политическим развитием от отдельного общества до Мир-Системы понижает прогрессивные возможности революции в каждом конкретном случае, но оставляет роль революционного процесса в целом достаточно значимой.

3. Глубина и сила революций в каждом конкретном случае будут зависеть от многих условий. Но можно предположить, что многие будущие революции станут весьма поверхностными, подобно тем событиям, что произошли недавно в Армении (2018) или Боливии (2019). Уменьшение прогрессивной роли революций на уровне отдельных обществ может вести и к уменьшению глубины их преобразований. В этом случае революции будут напоминать многие военные перевороты, которые приводят лишь к смене лидера, без серьезных трансформаций в обществе.

4. Волны революций. Мы полагаем, что революции могут и в дальнейшем совершаться волнами, особенно если ситуация в мире будет резко изменяться. Крутые повороты способны вызывать реакцию в целом ряде стран, тем более с учетом расширяющихся ин-

формационных возможностей. В настоящее время мы живем в эпоху третьей волны революций XXI столетия, которая началась в 2018 г. и продолжается до сих пор (Goldstone *et al.* 2022a).

5. Формы революций. С учетом сказанного о возможности революционных событий в центре Мир-Системы, в крупных странах, а также о роли революций в реконфигурации Мир-Системы, вполне возможно, что произойдут изменения и в формах революций. Разумеется, предугадать, какие именно появятся формы, крайне сложно. Однако обратим внимание на то, что в современном геополитическом противостоянии крупных держав войны изменили свой характер. Возникли так называемые гибридные войны, которые включают самые разные средства воздействия на оппонента/противника, за исключением только горячей войны. По аналогии с этим можно предположить, что если вместо горячих войн идут гибридные, то вместо классических революций и классических выборов в ряде случаев могут возникнуть гибридные формы борьбы за власть, которые будут включать в себя и революционные акции. Эти формы могут иметь место и в развитых демократических странах. В частности, внутрипартийное противостояние в США с 2016 г. представляет собой своего рода гибридную гражданскую войну. Особую роль в ней играют СМИ и систематические попытки использовать легальные рычаги, но имели место и массовые акции. Поэтому правомерно предполагать, что борьба за власть, ведущаяся в конституционных рамках (выборные кампании и периоды между выборами), может дополняться какого-то рода революционными событиями, которые способны выйти и на первый план. Так, движение *Black Lives Matter* в 2020 г. можно рассматривать как часть вышеуказанной гибридной гражданской войны в США (Гринин 2020а), так называемый «штурм Капитолия» 6 января 2021 г. – как ее яркий эпизод. Также будут развиваться формы социального протеста, возможно, даже имеет смысл говорить о будущем не столько революций, сколько событий революционного типа. Последние могут представлять перманентный процесс политических изменений, связанных с противостоянием частей общества или протестующих и правительства. Так, протесты «желтых жилетов» во Франции и выступления в Гонконге приняли весьма затяжной характер, но вполне возможно, что могут случиться и еще более растянутые во времени акции.

4. Вместо заключения. О процессах и факторах нестабильности в афразийской макроне нестабильности в ближайшие десятилетия

Напомним, что афразийская макроне нестабильности описывалась как единая и непрерывная территория, складывающаяся из четырех главных зон нестабильности: центральноазиатской (включающей Афганистан и Пакистан), ближневосточной, североафриканской и региона Сахеля (Коротаев, Исаев 2014; Коротаев и др. 2014; 2015; Гринин и др. 2014; 2015; Korotayev *et al.* 2016; Коротаев, Гринин, Исаев 2021). Также в рамках заявленной темы важно подчеркнуть, что и территории на границах афразийской макроне представляют собой довольно подходящие для процессов нестабильности и даже дестабилизации общества. Это касается Закавказья, бывшей Средней Азии, а также некоторых пограничных территорий между Пакистаном и Индией, Синьцзян-Уйгурского автономного района на западе Китая. Эти территории в отношении афразийской макроне нестабильности можно рассматривать как ее дальнюю периферию (см.: Гринин 2020б; 2020в; 2020г). Даже европейские территории (такие как Косово) остаются «сейсмически опасными зонами», а также анклавами наркоторговли и организованной преступности.

Какие выводы и прогнозы можно сделать в отношении процессов и факторов нестабильности в ближайшие (и не только) десятилетия XXI в. на основе представленного в настоящей статье анализа причин этих потрясений? И как использовать эти выводы в прогнозах мест с наибольшей «сейсмической нестабильностью»? Прежде всего, важно рассматривать не только революции, но и все другие формы нестабильности и дестабилизации (в широком спектре от войн до терроризма, от уличных беспорядков до различных движений)²⁰. При этом, как правило, различные формы дестабилизации взаимно дополняют и часто усиливают друг друга по типу положительной обратной связи (см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020).

Так, на Ближнем Востоке и в Северной Африке мы наблюдали, как революции могут вести к гражданским войнам, сепаратизму,

²⁰ Кроме того, и в самых революционных формах, как сказано выше, произойдут существенные изменения, классических революций может стать меньше, а все большую роль могут играть революционные движения без ясных требований изменения режима.

радикализму, реализующемуся в разных формах, сегментации обществ, распаду государственности, интервенциям, использованию боевиков (образовавших за годы внутригосударственной борьбы крупные отряды профессиональных бойцов) для военных действий в других государствах; при этом обычны обострения давно сложившихся этноконфессиональных противоречий, появление массы беженцев и т. д. Но процессы дестабилизации могут запускаться разными факторами. Например, американская интервенция в Ирак открыла почти двадцатилетний период нестабильности в этой стране и на смежных с ней территориях, в том числе в виде так называемого «Исламского государства» и курдских де-факто государственных образований. Интервенция в Ливию в 2011 г. запустила там процесс свержения власти М. Каддафи и дезинтеграции еще не сложившегося ливийского государства, что привело к вступлению страны в эпоху смут и революций, продолжающуюся по настоящее время. Военный контрреволюционный переворот А. Ф. ас-Сиси в Египте в 2013 г. положил начало массовому террору (затихшему было в этой стране) и массовым репрессиям, масштабы которых, казалось бы, немыслимы для XXI столетия. Попытки дестабилизировать режимы, которые не нравятся США или другим геополитическим игрокам, например, путем все более ужесточающихся санкций (как это делается в отношении Ирана), имеют целью вызвать дестабилизационные (протестные) движения внутри этих стран за счет роста недовольства населения усиливающимися лишениями. Более подробно о факторах внешнего воздействия на процессы см.: (Гринин 2020б).

Потому стоит повторить вывод, который делался нами в: (Гринин 2012а; Гринин и др. 2016). Свержение авторитарной власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки (а также других частей африканской зоны нестабильности), под какими бы благородными лозунгами оно ни проходило, часто ведет к возникновению очага нестабильности, влияющего и на соседние общества, причем этот очаг может существовать десятилетиями (см. также: Гринин 2020г). И поскольку мы полагаем, что как США, так и другие региональные и мировые игроки на Ближнем и Среднем Востоке будут предпринимать аналогичные попытки при удобном случае, можно прогнозировать, что этот фактор – стремление к свержению твердой и цементирующей общество власти автократов –

сыграет немаловажную роль в будущих процессах дестабилизации в странах африканской макрзоны.

Мы считаем, что *африканская макрзона будет генерировать процессы дестабилизации в течение длительного времени (хотя, естественно, сценарий и ход конкретных событий будут зависеть от целого ряда обстоятельств) по многим причинам.*

Во-первых, будет сказываться общее воздействие процессов реконфигурации Мир-Системы, которые описаны выше. И это воздействие при прочих равных условиях тем заметнее и сильнее, чем более неустойчивой является социально-политическая и этноконфессиональная ситуация в том или ином регионе. Африканская макрзона, особенно Ближний, Средний Восток и североафриканская зона, – регион крайне неустойчивый и конфликтный, поэтому различные глобальные процессы неизбежно будут отражаться на нем в виде тех или иных дестабилизирующих событий. Так, внутривнутриполитическая борьба в США выразилась в резких колебаниях отношения к Ирану, Израилу, Саудовской Аравии с 2015 по 2020 г., что, соответственно, повлекло вмешательство Ирана в ситуацию в Ираке, Сирии и т. д., давление на Россию со стороны США и Европы – во вмешательство РФ в сирийские, а теперь и в ливийские дела, и т. д. (о некоторых процессах см.: Гринин и др. 2016).

Во-вторых, эти районы являются местом стыка различных интересов и векторов силы, о чем уже было сказано выше (см. также: Гринин 2020б).

В-третьих, при внешнем давлении может возникнуть синергетический эффект, если налицо внутренняя слабость и неустойчивость таких государств и обществ (см. также: Там же).

В-четвертых, слабость общества в подобных случаях очень часто связана:

а) с тем, что в недавнем прошлом это было искусственное государственное образование, границы в котором были проведены по политическим мотивам;

б) отсутствуют прочные традиции государственности (см.: Гринин и др. 2017); общество этнически не монолитное, а разделенное, при этом конфликты между различными этносами, культурами, конфессиями, территориями или кланами очень значимы, а также легко вспыхивают.

В-пятых, большинство стран афразийской макрзоны в большей или меньшей степени соответствуют одному или нескольким из перечисленных параметров, не говоря уже о том, что в этой макрзоне имеются так называемые несостоявшиеся государства (failed states), такие как Афганистан и Йемен, а в результате процессов интервенции и дестабилизации к ним присоединились, по крайней мере временно, Сирия, Ливия, Ирак (о несостоявшихся государствах см.: Гринин 2014; см. также: Его же 2020д). Имеются и непризнанные государства (вроде курдского на севере Ирака, а также Карабаха на дальней периферии афразийской зоны). Соответственно, вполне можно ожидать различных проблем именно в подобного рода странах.

В-шестых, имеется группа государств монархического типа (прежде всего это страны Залива), в которых в будущем при наступлении тех или иных кризисных событий могут начаться дестабилизационные процессы (революции либо борьба элит) под лозунгом модернизации и демократизации. Если, конечно, не удастся мирным и безболезненным путем провести такую трансформацию режима. Но это сложный процесс, и шансы его осуществить не столь высоки, а вот «споткнуться» при таких реформах, к сожалению, значительно легче.

В-седьмых, часть стран афразийской макрзоны (особенно регион Сахеля), а также некоторые государства на Ближнем Востоке (например, Йемен) до сих пор характеризуются высокими темпами рождаемости и естественного прироста населения. Демографические прогнозы предполагают, что сокращение рождаемости начнется нескоро. Одновременно многие из таких стран не полностью модернизировались и урбанизировались. Отсюда опасность попадания таких стран в модернизационные ловушки, в частности в «молодежную ловушку» (см.: Гринин 2014; 2017в; 2017г; 2018а; Grinin 2022b). Высокий темп прироста населения модернизирующихся стран – это повышенный риск дестабилизации для общества (см. также: Гринин 2020е).

Таким образом, можно предполагать, что по целому ряду глобальных, региональных, культурно-религиозных и страновых причин многие общества афразийской макрзоны нестабильности достаточно длительное время будут испытывать повышенные риски дестабилизации. При этом часто в обществах будет присутствовать

комплекс дестабилизационных явлений, то есть одновременно будут взаимодействовать, гибридизируясь, несколько компонентов дестабилизации (революции, гражданские войны, конфессиональные противостояния, интервенции, террор и т. д.), которые, к сожалению, могут открывать смутные эпохи (см. выше).

* * *

Таким образом, новые десятилетия XXI в. обещают быть довольно активными, полными изменений, драматических столкновений, поиска пути к новым состояниям на уровне регионов и Мир-Системы, изменений в балансе мировых сил. И во всех этих процессах заметную роль могут играть революции и революционные события, характер которых обещает изменения, а также разные по типу иные дестабилизационные события. При этом мир-системная роль революций в ближайшее время, по-видимому, все меньше будет связана с поиском новых прогрессивных путей развития, которые могли бы быть важными или новыми в смысле создания модели для подражания. Однако сохранится или усилится их роль как одного из важных компонентов разрушения старой мировой системы, мирового порядка, создания возможностей для формирования нового мирового порядка? В этом плане ее (в смысле прогрессивности) можно сравнить с ролью крупных войн, которые создают условия для изменения конфигурации регионов и мира, но имеют весьма разрушительную форму и высокую цену.

Литература

Гринин, Л. Е.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2009. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.

2012а. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 3. *Арабская весна 2011 года*. М.: ЛКИ/URSS. С. 188–223.

2012б. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

2014. Риски модернизации и нестабильности в Афроевразии: история и современность. В: Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р., Гринин, Л. Е. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 5. Волгоград: Учитель. С. 95–127.

2015. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 2–17.

2016. Индия и Китай: модели развития и перспективы в мире. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС: Предварительные результаты*. М: КРАСАНД. С. 246–276.

2017а. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории* 2: 5–42.

2017б. Революции и исторический процесс. *Философия и общество* 3: 5–29.

2017в. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: URSS. С. 337–356.

2017г. Русская революция и ловушки модернизации. *Полис. Политические исследования* 4: 138–155.

2018а. Модернизация и социально-политические кризисы. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (отв. ред.), *Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения Н. Д. Кондратьева*. Волгоград: Учитель. С. 86–115.

2018б. Социально-экономические проблемы США и их влияние на дестабилизацию в мире в период президентства Д. Трампа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте*. Волгоград: Учитель. С. 508–535.

2020а. Сложилась ли в Америке революционная ситуация? *Век глобализации* 3: 31–44.

2020б. Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в афразийской зоне нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных*

и региональных рисков: ежегодник. Т. 11. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 517–527.

2020в. Радикальный исламизм, религиозный фактор и нестабильность в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 810–828.

2020г. Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 686–716.

2020д. Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 666–693.

2020е. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрозоны нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Быканова, Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 11. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 181–199.

Гринин, Л. Е., Билюга, С. Э., Коротаев, А. В., Гринин, А. Л. 2017. Возраст государства и социально-политическая дестабилизация: предварительные результаты количественного анализа. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 8. Волгоград: Учитель. С. 141–169.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2015. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 424 с.

2020. Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.10>.

2021. Глобализм против американизма. *История и современность* 2: 3–43; 3: 3–53.

Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 384 с.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2010. *Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ. 336 с.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р.

2014. Риски дестабилизации в контексте нарастающей неопределенности в «афразийской» зоне. В: Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р., Гринин, Л. Е. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 5. Волгоград: Учитель. С. 4–10.

2015. Введение. Реконфигурация Мир-Системы и усиление рисков политической нестабильности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 6. *Украинский разлом*. Волгоград: Учитель. С. 4–19.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2010. Введение. Русские революции в столетней ретроспективе. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *О причинах Русской революции*. М.: Изд-во ЛКИ. С. 5–24.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Цирель, С. В. 2011. *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ. 248 с.

Зинькина, Ю. В., Гринин, Л. Е., Ильин, И. В., Андреев, А. И., Алешковский, И. А., Шульгин, С. Г., Коротаев, А. В. 2017. *Историческая глобалистика*. Т. 2. *XIX век*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 248 с.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М. 2021. Введение. Афразийская зона нестабильности как важнейший источник рисков дестабилизации в современной мир-системе. В: Коротаев, А. В., Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Социально-политическая дестабилизация в странах афразийской макрзоны нестабильности: количественный анализ и прогнозирование рисков*. М.: Ленанд. С. 7–50.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М. 2014. Формирование «афразийской» зоны нестабильности. В: Васильев, А. М., Саватеев, А. Д., Исаев, Л. М. (ред.), *Арабский кризис и его международные последствия*. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.

Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Руденко, М. А.

2014. Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. В: Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Шишкина, А. Р., Гри-

нин, Л. Е. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*: ежегодник. Т. 5. Волгоград: Учитель. С. 180–207.

2015. Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.

Armstrong, D. 1993. *Revolution and World Order: The Revolutionary State in International Society*. New York: Oxford University Press. 338 pp.

Arrighi, G. 1994. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. London: Verso. 432 pp.

Aslund, A., McFaul, M. 2006. *Revolution in Orange*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 216 pp.

Attali, J. 1991. *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order*. New York, NY: Times Books. 130 pp.

Beck, C. J. 2014. Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory and Society* 43: 197–223.

Bisley, N. 2004. Counter-Revolution, Order and International Politics. *Review of International Studies* 30(1): 49–69.

Buchanan, P. J. 2002. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: St. Martin's Griffin. 320 pp.

Bunce, V. J., Wolchik, S. L. 2011. *Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries*. Cambridge: Cambridge University Press. 396 pp.

Chase-Dunn, C., Nagy S. 2022. Global Inequality and World Revolutions: Past, Present and Future. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

Chase-Dunn, C., Kwon, R., Lawrence, K., Inoue, H. 2011. Last of the Hegemons: U.S. Decline and Global Governance. *International Review of Modern Sociology* 37(1): 1–29. DOI: 10.1177/02F0010836712443168.

Chase-Dunn, C., Stäbler, R., Breckenridge-Jackson, I., Herrera, J. 2022. Articulating the Web of Transnational Social Movements. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

Chirot, D. 1991. *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: The Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press. 262 pp.

Colburn, F. 1994. *The Vogue of Revolution in Poor Countries*. Princeton: Princeton University Press. 152 pp.

Colson, C., Eckerd, J. 1991. *Why America Doesn't Work?* Dallas: Word Pub Group. 227 pp.

Eckstein, S.

1982. The Impact of Revolution on Social Welfare in Latin America. *Theory and Society* 11: 43–94.

1986. The Impact of the Cuban Revolution: a Comparative Perspective. *Comparative Studies in Society and History* 28: 503–34.

Esty, D., Goldstone, J. A., Gurr, T. R., Harff, B., Levy, M., Dabelko, G. D., Surko, P., Unger, A. N. 1999. State Failure Task Force Report: Phase II Findings. *Environmental Change & Security Project Report 5* (Summer). URL: https://www.researchgate.net/publication/247638675_State_Failure_Task_Force_Report_Phase_II_Findings.

Frank, A. G. 1998. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press. 416 pp.

Goldfrank, W. L. 1979. Theories of Revolution and Revolution Without Theory: The Case of Mexico. *Theory and Society* 7: 135–165.

Goldstone, J. A.

2001. Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.

2014. *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 168 pp.

Goldstone, J., Bates, R., Epstein, D., Gurr, T., Lustik, M., Marshall, M., Ulfelder, J., Woodward, M. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.

Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A.

2022a. Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. In Goldstone, J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

2022b. Conclusion. Why Have so Many Revolutions Occurred in Recent Years, and are They Likely to Continue to Occur in the Future? In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

Goldstone, J., Gurr, T., Harff, B., Levy, M., Marshall, M., Bates, R., Epstein, D., Kahl, C., Surko, P., Ulfelder, J., Unger, A. Jr. 2003. *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean: Science Applications International Corporation (SAIC). URL: <https://repository.ust.hk/ir/Record/1783.1-75451>.

Goodwin, J. 2001. Is the Age of Revolution Over? In: Katz, M. (ed.), *Revolution: International Dimensions* Washington, D.C.: CQ Press. Pp. 272–283.

Goodwin, J., Skocpol, T. 1989. Explaining Revolutions in the Contemporary Third World. *Politics & Society* 17(4): 489–509.

Grinin, L.

2006. Periodization of History: A Theoretic-Mathematical Analysis. In Grinin L., Munck V. de, Korotayev A. (eds.), *History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development*. Moscow: KomKniga. Pp. 10–38.

2007a. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-Mathematical Approach. *Social Evolution & History* 6(2): 75–120.

2007b. Production Revolutions and the Periodization of History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 77(2): 150–156.

2009. Transformation of Sovereignty and Globalization. In Grinin, L. E., Beliaev, D. D., Korotayev, A. V. (eds.), *Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Political Aspects of Modernity*. Moscow: LIBROCOM/URSS. Pp. 191–224.

2010. Which Global Transformations Would the Global Crisis Lead to? *Age of Globalization* 2: 31–52.

2012. *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel. 320 pp.

2016. Evolution of World Order. In Grinin L., Korotayev A. (eds.), *Evolution and Big History: Dimensions, Trends, and Forecasts*. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 75–95.

2021. How Globalization Shifts the Global Economic and Political Balance. *Journal of Chinese Philosophy* 48: 222–234. DOI: 10.1163/15406253.

2022a. Revolutions and Historical Process. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham : Springer (in print).

2022b. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds) *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Cham: Springer, pp. 219–238. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_8.

Grinin, L., Grinin, A.

2013. Macroevolution of Technology. In Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Evolution: Development Within Big History, Evolutionary and World-System Paradigms*. Volgograd: Uchitel. Pp. 143–178.

2014. The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. In Grinin, L., Devezas, T., Korotayev, A. (eds.), *Kondratieff Waves, Juglar – Kuznets – Kondratiev: Yearbook*. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 354–378.

2015a. The Cybernetic Revolution and Historical Process. *Social Evolution and History* 14(1): 125–184.

2015b. Global Technological Perspectives in the Light of Cybernetic Revolution and Theory of Long Cycles. *Journal of Globalization Studies* 6(2): 119–142.

2016. *The Cybernetic Revolution and the Forthcoming Epoch of Self-Regulating Systems*. Moscow: Moscow Branch of the Uchitel Publishing House. 216 pp.

2020. The Cybernetic Revolution and the Future of Technologies. In: Korotayev, A. V., LePoire, D. (eds.), *The 21st Century Singularity and Global Futures. A Big History Perspective*. Cham: Springer. Pp. 377–396. URL: https://doi.org/10.1007/9783-030-33730-8_17.

2022a. On Revolutionary Waves Since the 16th Century. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

2022b. Revolutionary Waves and Lines of the 20th Century. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

2022c. Revolution and Modernization Traps. In Goldstone, J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A.

2017a. The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution. In Devezas, T. (ed.), *Industry 4.0 – Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape: What is Coming on Along with the Fourth Industrial Revolution*. Cham: Springer. Pp. 243–261.

2017b. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting & Social Change* 115: 52–68. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.

2020. A Quantitative Analysis of Worldwide Long-term Technology Growth: From 40,000 BCE to the Early 22nd Century. *Technological Forecasting & Social Change* 155: 1–15. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>.

2021. Global Trends and Forecasts of the 21st Century. *World Futures* 77. URL: <https://doi.org/10.1080/02604027.2021.1949939>.

Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Andreev, A. I. 2016. World Order in the Past, Present, and Future. *Social Evolution & History* 15(1): 58–84.

Grinin, L., Korotayev, A.

2010. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.

2011. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.

2012a. Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.

2012b. The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Global Scenarios. In Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Korotayev, A. V. (eds.), *Globalistics and Globalization Studies*. Volgograd: Uchitel. Pp. 366–393.

2014a. Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. In Kiss E. (ed.), *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization*. Budapest: Publisher house Aristotelész. Pp. 184–207.

2014b. Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.

2015a. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. 251 pp.

2015b. Globalization, Revolutions, and Democracy. *Globalistics and Globalization Studies* 4: 87–109.

2016. MENA Region and the Possible Beginning of World System Reconfiguration. In Erdogdu, M. M., Christiansen, B. (eds.), *Comparative Political and Economic Perspectives on the MENA Region*. Hershey, PA: Information Science Reference. Pp. 28–58.

2022. The Arab Spring: Causes, Conditions, and Driving Forces. In Goldstone J., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the*

21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer (in print).

Grinin, L., Korotayev, A., Issaev, L., Shishkina, A., Ivanov, E., Meshcherina, K. 2017. *World Order Transformation and Sociopolitical Destabilization*. Moscow: National Research University Higher School of Economics (Series: International Relations, WP BRP 29/IR/2017). 35 pp.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V., Tausch, A.

2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer. 284 pp.

2019. *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives*. N. p.: Springer. 281 pp.

Gurr, T. R. 1988. War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. *Comparative Political Studies* 21: 45–65.

Haggard, S, Kaufman, R. R. 1995. *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton: Princeton University Press. 360 pp.

Huntington, S. 1991. *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press. 384 pp.

Kennedy, P.

1987. *The Rise and Fall of Great Powers 1500–2000*. New York: Random House. 704 pp.

2008. Is this the End of the American Era? *The Sunday Times* October 12. URL: http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/news/world_news/article241555.ece.

Kissinger, H.

2001. *Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21st Century*. New York: Simon & Schuster. 352 pp.

2014. *World Order*. New York: Penguin Press. 432 pp.

Korotayev, A., Issaev, L., Rudenko, M., Shishkina, A., Ivanov, E. 2016. Afrasian Instability Zone and its Historical Background. *Social Evolution & History* 15(2): 120–140.

Kupchan, C. A. 2002. *The End of the American Era*. New York, NY: Knopf. 416 pp.

Kurzman, C. 2008. *Democracy Denied 1905–1915: Intellectuals and the Fate of Democracy*. Cambridge: Harvard University Press. 404 pp.

Lachmann, R. 1997. Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization From the Medici to Yeltsin. In Foran, H. (ed.), *Theorizing Revolutions*. London: Routledge. Pp. 73–101.

Lawson, G. 2015. Revolutions and the International. *Theory and Society* 44: 299–319.

Mandelbaum, M. 2005. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. New York, NY: Public Affairs. 320 pp.

Mitchell, L. A. 2012. *The Color Revolutions*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 256 pp.

Nepstad, S. 2011. *Nonviolent Revolutions: Civil Resistance in the Late 20th Century*. New York: Oxford University Press. 200 pp.

NIC (National Intelligence Council).

2008. *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington, DC: National Intelligence Council. 100 pp.

2012. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends. 137 pp.

Sadovskaya, L. M., Fakhrutdinova, N. Z., Kochanova, T. V. 2019. Global Political Destabilization and Modern Civic Protest Movements in Sub-Saharan Africa. *Journal of Globalization Studies* 10(2): 77–90.

Selbin, E.

2001. Same as It Ever Was: The Future of Revolution at the End of the Century. In Katz, M. (ed.), *International Dimensions*. Washington, D.C.: CQ Press. Pp. 284–297.

2019. Resistance and Revolution in the Age of Authoritarian Revanchism: The Power of Revolutionary Imaginaries in the Austerity-Security State Era. *Millennium* 47(3): 483–496.

Shevsky D. 2022. Euromaidan Revolution in Ukraine. In Goldstone, J. A., Grinin, L., Korotayev, A. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer (in print).

Snyder, R. 1999. The End of Revolution? *Review of Politics* 61(1): 5–28.

Thompson, W. R. 1988. *On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics*. Columbia, SC: University of South Carolina Press. 315 pp.

Todd, E. 2003. *After the Empire: The Breakdown of American Order*. New York, NY: Columbia University Press. 192 pp.

Vogel, E. F. 1979. *Japan as Number One: Lessons for America*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 272 pp.

Wallerstein, I. 2003. *The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World*. New York, NY: New Press. 324 pp.

Weede, E., Muller, E. N. 1997. Consequences of Revolutions. *Rationality and Society* 9(3): 327–350.

Wickham-Crowley, T. 1992. *Guerrillas and Revolution in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 454 pp.

Zakaria, F. 2008. *The Post-American World*. New York: W. W. Norton. 304 pp.

Zimmermann, E. 1990. On the Outcomes of Revolutions: Some Preliminary Considerations. *Sociological Theory* 8: 33–47.